

во многих обществах). Глубоко изменились и формы нашего культурного общения с изучаемыми народами. Фактически до конца 50-х—начала 60-х годов прямые контакты с жителями Южной Азии были крайне редки. После обретения независимости южноазиатскими странами и установления прямых дипломатических отношений их с СССР связи постепенно расширились (и политические, и экономические, и культурные). Приметой того времени был организованный туризм с нашей стороны; в то же время стали появляться в наших городах студенты, аспиранты, стажеры из упомянутых стран. Так, собственно, постепенно и началось, можно сказать, физическое сближение культур.

Особый «прорыв» в отношениях произошел в последние десять—пятнадцать лет. Теперь культурный диалог осуществляется между нашими странами и народами уже не только опосредованно (через науку, искусство, литературу), но часто и в личных контактах. Теперь и у россиян появились новые возможности побывать в Южной Азии самостоятельно и индивидуально (хотя это доступно не всем, но все-таки реально, и многие этими возможностями воспользовались). В наших городах можно теперь нередко встретить не только учащихся из Индии, Непала, Шри Ланки и других стран Южной Азии, но и торговцев, бизнесменов (работающих самостоятельно или на партнерских началах с нашими предпринимателями), которые поселяются в России если не навсегда, то надолго, или же очень часто приезжают сюда. Уже не является абсолютным исключением, когда они находят себе здесь и брачных партнеров; таким образом создается новый тип смешанных, межнациональных семей.

Новые обстоятельства вызывают необходимость развития нового аспекта индологической этнографии в России и, в частности, именно практического направления в деятельности этнографов, изучающих культуру народов Южной Азии. В связи с этим нужны большая конкретизация и углубление наших знаний об этнических особенностях этой культуры, повышение внимания к таким разделам, как системы ценностных ориентаций тех или иных народов, этнопсихологические черты личности и специфика мировоззрения, а также и *мирочувствования*. Поэтому настоятельно необходимо расширение источниковедческой базы и применение новых форм исследований, полевые изыскания. К сожалению, реально возможности в этом отношении пока особенно не улучшились (а, например, поступление новых книг в научные библиотеки даже уменьшилось), хотя все-таки существуют новые пути в их обретении, пусть еще и мало освоенные (в частности, получение грантов на поездки в зарубежные научные центры и т.п.).

По-видимому, не так уже далеко то время, когда выходцы из стран Южной Азии составят заметный этнический компонент в населении наших городов, и к этому стоит подготовиться заранее. Знания этнографов смогут быть тогда не только широко востребованы, но и необходимы для проведения правильной культурной политики в таком сложном и все более усложняющемся полиэтничном социуме, как прежде всего население Москвы и Петербурга (хотя эта судьба не обходит и другие города), для разрешения проблемы

преодоления культурной отчужденности живущих бок о бок групп и лиц разной этнической принадлежности.

Для представителей нашей науки потребуется (впрочем, требуется уже и сейчас) расширение научно-просветительской деятельности в разных формах: чтения лекций, создания выставок и т.п., а также, возможно, проведения уроков не только в специальных, но и в самых обычных школах, даже индивидуальных консультаций, например, членам смешанных семей. И, конечно, именно Музей антропологии и этнографии с его значительной коллекционной базой (около 13 тысяч предметов по региону Южной Азии) и научными традициями снова может сыграть здесь очень важную роль. В то же время, именно в связи с перспективой более активного использования наших коллекций в постоянной экспозиции и во временных выставках, мы должны осознать, что они, действительно, уникальны не только в том смысле, что богато и с широкой полнотой представляют культуру региона Южной Азии, но еще и в прямом — т.е. многие предметы представлены у нас в единственном экземпляре. Поэтому целеустремленная работа по своевременной публикации коллекций, бережное обращение с существующими собраниями вещей и активное пополнение фонда представляются насущными задачами сегодняшнего дня. Это необходимо остро осознать, как бы мы ни были стеснены в материальных средствах. Чтобы сохранить привлекательность наших выставок для посетителей, мы должны «не ударить в грязь лицом» и перед такими своеобразными конкурентами, как специализированные магазины народных ремесел стран Южной Азии, которые уже появляются в нашем городе, и даже, теоретически вполне возможными, частными экспозициями.

Теперь несколько иными стали общие условия и нравственная обстановка научной и особенно научно-популяризаторской работы индологов. В целом они таковы, что следует быть гораздо предусмотрительнее и более внимательно относиться к тому, как могут «отозваться» в умах и душах наших сограждан (а также и представителей южноазиатских этносов, присутствие которых возможно теперь при любом публичном выступлении и действии) наше ученое слово, само изложение и комментарии реалий и фактов культурного бытия народов Южной Азии. Мировой опыт последних десятилетий показывает, что слово ученого — это тоже оружие, с которым надо обращаться очень осторожно. Этнографу же, как и медику, просто необходимо жить по заповеди: «Не навреди!». Поэтому верность факту должна сочетаться с деликатностью интерпретации.

В основном в нашем обществе сохраняется глубокий интерес к культуре индийцев и других жителей Южной Азии. Привлекают как общая ее высокая духовность и большие достижения в области философии, так и внешние, нередко именно экзотические проявления. В то же время появились и некоторые осложняющие восприятие этой культуры моменты и явления в нашей жизни, касающиеся главным образом религиозной сферы. В данных обстоятельствах смысл и задачи этнографической индологии и грамотного научного просветительства в этой области возрастают.